

ФЕНОМЕН «БЕСОВСТВА»: ДУХОВНЫЙ КРИЗИС И НИГИЛИЗМ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Аннотация

Статья посвящена философско-антропологическому анализу романа Ф.М. Достоевского «Бесы» как отражению духовного кризиса пореформенной России. Доказывается, что революционный нигилизм, по убеждениям Достоевского, следует воспринимать не как внешнюю политическую доктрину, а как симптом глубинной болезни духа, порожденный отчуждением личности от народной религиозно-нравственной почвы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Бесы», нигилизм, революционный радикализм, русская идея, национальная идентичность.

Автор

Потапова Анастасия Сергеевна

Студентка факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В переломные моменты истории, когда общество переживает глубокую трансформацию своих устоев и цивилизационных ориентиров, наибольшую угрозу представляют не внешние противники, а силы внутреннего распада. Идеологический нигилизм, подрывающий духовные и нравственные основы народной жизни, не несущий за собой ничего, кроме утопических доктрин, способен нанести больший урон, чем любое внешнее военное поражение. Он разъедает саму культурную почву, на которой зиждется национальная идентичность, разрывает историческую преемственность и превращает целые социальные группы в разрушительную энергию, направленную против собственного отечества. Именно в этом контексте обращение к историческому опыту России второй половины XIX века, в частности к феномену «нечаевщины» и его художественному осмыслению в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» является интеллектуальной и духов-

ной необходимостью. Продолжая эту мысль, можно говорить, что раскрытие представлений писателя о механизмах, через которые революционный радикализм превращал идеалистов в «бесов» как слепых исполнителей деструктивной воли, позволяет реконструировать историко-философский контекст эпохи.

Русская литература XIX века, безусловно, стала зеркалом, отражающем все болевые точки российского общества эпохи после реформ (1860-е годы). Среди писателей того времени особое место занимает Ф.М. Достоевский, чьи произведения с редкой пронизательностью раскрывают нарастающий кризис в сознании и душах русских людей. Анализируя основания деструктивных процессов, описанных в романах писателя, принципиально важно выйти за рамки конкретно-исторического контекста «нечаевщины» и обратиться к глубинному философско-антропологическому диагнозу, который Достоевский ставит наблюдаемой им эпохе. Мыслитель раскрывает, что почвой

для возвращения «бесов» является не просто радикальная доктрина, а более фундаментальное заболевание духа — тотальное отчуждение личности от органической общей целостности народа, веры и традиций. Именно этот раскол порождает ту духовную пустоту, в которой нигилизм обретает разрушительную силу через идею человеческого уединения: «Ибо всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит изо всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение. Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдалается, прячется и, что имеет, прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает. Копит уединенно богатство и думает: сколь силен я теперь и сколь обеспечен, а и не знает безумный, что чем более копит, тем более погружается в самоубийственное бессилие. Ибо привык надеяться на себя одного и от целого отделился единицей, приучил свою душу не верить в людскую помощь, в людей и в человечество, и только и трепещет того, что пропадут его деньги и приобретенные им права его. Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности. Но непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как неестественно отделились один от другого. Таково уже будет веяние времени, и удивятся тому, что так долго сидели во тьме, а света не видели. Тогда и явится знамение Сына человеческого на небеси... Но до тех пор надо все-таки знамя беречь и нет-нет, а хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на под-

виг братолюбивого общения, хотя бы даже и в чине юродивого. Это чтобы не умирала великая мысль» [7, с. 275–276].

Уподобление общества совокупности уединенных единиц, одержимых накопительством и утративших веру во взаимопомощь людей, раскрывает корни революционного соблазна. Атомизированный индивид, оторванный от органической целостности народной жизни, пребывает в состоянии духовного вакуума, поскольку непринятие традиционных основ жизни ведет и к отказу от веры: «Отрицающий народность отрицает и веру. Именно у нас это так, ибо у нас вся народность основана на христианстве» [12, с. 236–237]. Именно эта пустота и онтологическая неукорененность делают его восприимчивым к деструктивным идеям, предлагающим простое и радикальное разрешение внутреннего кризиса через внешнее разрушение. Таким образом, «бесовство» предстает не как порождение внешней доктрины, а как закономерное следствие глубокого распада человеческой общности, где разорваны все связи братолюбия и взаимного доверия. Революционный радикализм, при таком рассмотрении, является не причиной, а симптомом — извращенной попыткой преодолеть мучительное уединение через новое, но уже насильственное безбожное единство в разрушении.

Продолжая анализ философских оснований кризиса, описанного в «Бесах», необходимо углубиться в антропологические воззрения Достоевского, которые составляют идейный стержень его критики революционного нигилизма, не предлагающего видение будущего: «...По-настоящему ничего еще не решено, чем будущее общество заменится, а решено лишь только, чтоб настоящее провалилось, — и вот пока вся формула политического социализма. Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христиан-

ством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего «обновленного мира» и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — все это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться» [3, с. 131]. Достоевский не просто констатирует факт увлечения социалистическими идеями, он раскрывает сам механизм духовной подмены, сделавший это увлечение возможным. Писатель указывает на парадокс, ставший роковым для целого поколения — разрушительная доктрина, не предлагающая внятного образа будущего, воспринималась как учение

высшей нравственности и социальной справедливости. Этот феномен, когда страсть к разрушению маскируется под великодушие, а отрицание отечества, семьи и веры под общечеловеческий прогресс становится для Достоевского важным звеном для построения рассуждений о природе человека. Приведенная цитата ставит вопрос о том, что в человеческой природе делает ее столь восприимчивой к разрушительным утопиям, сулящим обновление через тотальное отрицание.

Для писателя, воспринимающего человека как тайну, требующую постижения, проблема общественного переустройства неизбежно связывалась с вопросом о природе самого человека, о новом взгляде на него: «Достоевский — величайший русский метафизик, вернее антрополог. Он сделал великие открытия о человеке, и от него начинается новая эра во внутренней истории человека. После него человек уже не тот, что до него. <...> Эта новая антропология учит о человеке, как о существе противоречивом и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не только страдающем, но и любящем страдания» [2, с. 155]. Исследуя природу человека, Достоевский помещает своих героев в уникальные обстоятельства выбора, подвергает их духовным испытаниям. Для писателя первостепенное значение имеет не контекст событий, социальная реальность и внешние условия, а внутренний мир человека: его поступки и размышления, сомнения и душевные терзания. Достоевский убежден, что человека нельзя определить как существо детерминированное исключительно внешними факторами, и поведение его невыводимо из общих социальных законов: «...Все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не винтик, а не штифтик! Хотя своими боками, да доказывал...» [8, с. 246]. Полемизируя с материалисти-

ческими учениями, писатель отмечает содержащуюся в них фундаментальную ошибку: стремление выстроить представление о мире и человеке исключительно на началах научного знания, утилитаризма и практической пользы. Подобный рационалистический детерминизм, возводящий в абсолют отвлеченное знание, а не глубинное понимание человеческой сути, оказывается слеп к главной его черте: свободной, не подчиняющейся внешним расчетам воле. Утверждение это закономерно подводит к вопросу о способности человека силой воли противостоять давлению как социальных механизмов, так и деструктивных идейных конструкций, превращающих его в послушный «штифтик» в чуждом ему механизме.

С точки зрения Достоевского, дарованная человеку свобода воли, оторванная от христианского идеала, обрекает его на экзистенциальный тупик. Нравственные искажения «я» приводят к глубокой внутренней раздвоенности и отчаянию, толкающему человека в пропасть, с последующим погружением в разрушительные идеи. Противоядием этому распаду личности, по убеждению писателя, служит «жизнь во Христе». Богочеловечность Христа понимается Достоевским как онтологическое основание и залог будущего «всеединства» человечества: «Многие думают, что достаточно верить в мораль Христову, чтобы быть христианином. Не мораль Христова, не учение Христа спасет мир, а именно вера в то, что Слово плоть бысть. <...> Надо именно верить, что это окончательный идеал человека, все воплощенное слово, Бог воплотившийся» [5, с. 188]. В свете данного утверждения о раздвоенности автономной воли обретает новый смысловой объем и находит отражение в идеях героев Достоевского, где этика становится продолжением догмата о Боговоплощении. По убеждению писателя, подражание Христу, понимание им не как внешнее следование ритуалу, а как волевое усилие по преображению

собственной природы. Это усилие, совершаемое личностью, является путем к созиданию Царства Христова: «Из Христа выходит та мысль, что главное приобретение и цель человечества есть результат добытой нравственности. Вообразите, что все Христы, — ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм? Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в Христе и не христианин. Если б люди не имели ни малейшего понятия о государстве и ни о каких науках, но были бы все как Христы, возможно ли, чтоб не было рая на земле тотчас же?» [6, с. 192–193]. Писатель тем самым утверждает, что подлинное разрешение всех социальных и экзистенциальных проблем лежит в области личного нравственного подвига, ориентированного на Христа.

Однако этот идеал, утверждающий богочеловеческую сущность личности, сталкивается в реальности XIX века с мощным вызовом. Вызов этот задают трактовки научного рационализма и атеизма, составляющие ядро нигилизма. В романе «Бесы» Достоевский рисует картину тотального захвата общественного сознания этими деструктивными феноменами. Идеи эти приобретают характер эпидемии, вовлекая все слои общества. Власть оказывается морально парализована. В то время как общество не задумывается о последствиях падения государства и разрушения регулятивного потенциала социальной системы, в атмосфере всеобщего попустительства происходит героизация революционеров «бесов» [13]. Социалистические доктрины, покрытые романтическим флером, становятся новой квазирелигией, замещающей христианскую веру. Достоевский, предвосхищая революционные потрясения, пронизательно раскрывает глубинные пласты русского национального сознания. Выявляя носителей нигилистического мировоззрения и предупреждая о надвигающейся опасности, Достоевский знаменует

важное открытие о русской революции, оформленное позже Бердяевым: «Русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный» [1]. В революционном нигилизме писатель усматривал не столько политическую программу, сколько симптом тотального духовного распада, выразившийся в сознательном отказе от традиционных нравственных устоев. Его острое неприятие вызывала, прежде всего, феноменальная безнравственность адептов нового учения, чей радикализм на практике оборачивался тотальной вседозволенностью и циничным попранием основ человеческой морали. Создавая собирательный образ этой среды, Достоевский характеризует ее как агрессивную массу, состоящую из «мелких безбожников» и «крупных бесстыдников» [9, с. 101]. Под первыми им понимаются последователи, слепо и поверхностно усвоившие моду на отрицание, лишённые самостоятельной мысли. Вторая категория — это идеологи движения, которые, по замечанию писателя, ухитрились разглядеть в сложной системе идей лишь одно — право на бесчестие. Эта формула раскрывает суть этической катастрофы: декларируемая свобода трактуется как освобождение от любых моральных обязательств, а протест против существующего порядка — как санкция на отмену базовых понятий о чести, достоинстве и совести. Таким образом, нигилизм предстает у Достоевского не просто как заблуждение ума, но как целенаправленное упразднение этического измерения человеческого бытия, что и делало его, в глазах писателя, смертельной угрозой для России и человеческой личности как таковой.

Эволюция творческого замысла романа «Бесы» углубляет его центральную философско-критическую интенцию. Первоначально Достоевский, следуя распространенной в публицистике 1860-х годов традиции, рассма-

тривал нигилизм как периферийное и наносное явление, искусственно привнесенное в русскую жизнь с Запада [14]. Однако в процессе работы произошел принципиальный сдвиг: писатель отказался от трактовки нигилизма как некоей внешней заразы в пользу изображения его как имманентной болезни русского духа, укорененной в глубинных кризисных процессах самого общества. Показательно, что в окончательной редакции романа его ключевой антигерой, Петр Верховенский, уже не ассоциируется напрямую с именами Белинского, Добролюбова и Чернышевского. Достоевский проводит четкую линию разграничения между социалистическими теориями революционеров и тем тотальным бунтом, движущей силой которого является страсть к разрушению: «В сущности мне наплевать; меня решительно не интересует: свободны или несвободны крестьяне, хорошо или испорчено дело. Пусть об этом Серно-Соловьевичи хлопчут да ретрограды Чернышевские! — у нас другое — вы знаете, что чем хуже, тем лучше (по-моему, все с корнем вон!)» [11, с. 159]. В романе писатель проводит принципиальное разграничение между сущностью настоящего нигилизма и его интерпретациями, носителями которых являются такие герои, как Лямшин и Шигалев. Противопоставляя этих героев, чьи взгляды представляют собой искаженные и упрощенные идеи, писатель утверждал, что подлинный нигилизм коренится не в поверхностном бунтарстве, а в глубинной духовной болезни, утрате веры и метафизическом бунте против самого бытия: «Настоящий нигилизм, истинный и чистокровный, это тот, который стоит на социализме», что настоящий нигилист «не может, не должен, не смеет ни с чем из существующего примириться» [10, с. 76–77].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что роман Достоевского представляет не просто сатиру на ре-

волюционное движение, а глубокое философско-антропологическое исследование природы духовного кризиса. Отправной точкой для писателя становится утверждение о богочеловеческой сущности личности, реализуемое через волевое следование за Христом и приобретаемую на этом пути нравственность. Показательно, что устами Шатова Достоевский не только обличает либеральную интеллигенцию и оторванность от народной почвы, но и развивает ключевую концепцию народа-богоносца, способного противостоять пагубным деструктивным тенденциям пореформенной эпохи: «Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание бога,

бога своего, непременно собственного, и вера в него как в единого истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца» [4, с. 198]. Отвергая возможность творения истории на основе силы разума и науки, Достоевский предлагает собственную философию истории, где движущей силой выступает религиозно-нравственное начало. Роман «Бесы» предстает не просто как обличение революционного нигилизма, но как глубоко выстрадавшая антропология духовных основ народной жизни, без которых, по убеждению Достоевского, невозможно ни подлинное историческое существование, ни сохранение национальной идентичности в эпоху социальных потрясений.

Литература

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. — М., 1918. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vehi.net/berdyayev/duhi.html> (дата обращения: 26.11.2025).
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Мысль, 1997.
3. Достоевский Ф.М. «Одна из современных фальшей». Дневник писателя, 1873.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 10. Л.: Наука, 1972–1990.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 11. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 11. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 14. Л.: Наука, 1972–1990.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 3. Л.: Наука, 1972–1990.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. — Т. 22. Л.: Наука, 1972–1986.
10. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Указ. соч. — Т. 16. Л.: Наука, 1976.
11. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 11. Л.: Наука, 1974.
12. Письмо А.Ф. Благодетелю от 19 декабря 1880 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т — Т. 30. М., 1988.
13. Скрыпник В.Р. Инфернальные типы русской революции. По роману Ф.М. Достоевского «Бесы» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2018. — № 2–2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/infernalnye-tipy-russkoy-revoljutsii-po-romanu-f-m-dostoevskogo-besy> (дата обращения: 26.11.2025).
14. Смирнов А.Г. Нигилизм как политическое течение в романе Достоевского «Бесы» // Власть. — 2010. — №10. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nigilizm-kak-politicheskoe-techenie-v-romane-dostoevskogo-besy> (дата обращения: 28.11.2025).